

Бондаренко Елена Николаевна

**УТВЕРЖДЕНИЕ О ФАКТЕ И ОСКОРБИТЕЛЬНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК ОБЪЕКТЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

В статье рассматривается вопрос о квалификации утверждения о факте и оскорбительного высказывания на примере анализа публицистического текста. Дифференциация этих понятий в юридической и филологической практике не подвергается сомнению, при этом малоизученной остаётся проблема функционирования терминов в рамках судебной экспертизы. Автор рассматривает случай, когда коммуникативная перверсия и фактуальная негативная информация, которую можно проверить на истинность, выражаются общей языковой категорией. Слово начинает выполнять функцию дискредитации и как оскорбительное высказывание, и как негативное утверждение о факте одновременно.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. III. С. 54-57. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. **Топоров В. Н.** О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. М.: Энциклопедия, 1980. Т. 2. С. 629-631.
6. **Тресиддер Д.** Словарь символов. М.: Фаир-Пресс, 1999. 443 с.
7. **Чемодурова З. М.** Игра в постмодернистском детективе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38). Ч. II. С. 184-188.
8. **Числа** [Электронный ресурс] // Словарь символов. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/977> (дата обращения: 30.08.2014).
9. **Юнг К. Г.** Архетип и символ. М.: Renaissance, 1991. 85 с.
10. **Werber B.** L'empire des anges. P.: Albin Michel, 2000. 443 p.
11. **Werber B.** Nous, les Dieux. P.: Albin Michel, 2002. 364 p.

POETICS OF NUMBERS IN LITERATURE OF THE FRENCH POSTMODERNISM BY THE EXAMPLE OF B. WERBER'S CREATIVE WORK

Belei Mariya Aleksandrovna
Immanuel Kant Baltic Federal University
maria.beley@rambler.ru

The article is a cross-cultural study within the framework of text poetics, literary criticism, and the history of world culture. The significance of numerology in literature and in the culture of the world is determined, and its special role in literature of the French postmodernism is revealed. The deep symbolic significance of numbers from 0 to 6 is considered, taking into account their mythical, mystical and religious content. The semantic core of numbers in the world culture is revealed, as well as their location in the French postmodernism. The novels "The Empire of the Angels", "Us, Gods" of the modern French writer Bernard Werber are chosen as examples. The table presents the poetic and numerological conception of evolutionary development from the mineral to an angel, which is implemented in B. Werber's creative work.

Key words and phrases: numerology; poetic and numerological conception; postmodernism; semantics of numbers; vitroculture.

УДК 81`373.2

Филологические науки

В статье рассматривается вопрос о квалификации утверждения о факте и оскорбительного высказывания на примере анализа публицистического текста. Дифференциация этих понятий в юридической и филологической практике не подвергается сомнению, при этом малоизученной остаётся проблема функционирования терминов в рамках судебной экспертизы. Автор рассматривает случай, когда коммуникативная перверсия и фактуальная негативная информация, которую можно проверить на истинность, выражаются общей языковой категорией. Слово начинает выполнять функцию дискредитации и как оскорбительное высказывание, и как негативное утверждение о факте одновременно.

Ключевые слова и фразы: оскорбительное высказывание; утверждение о факте; негативная информация; коммуникативная перверсия; лингвистическая экспертиза; публицистический текст.

Бондаренко Елена Николаевна, к. филол. н.
Академия Государственной противопожарной службы МЧС России
naturphilosophy@yandex.ru

УТВЕРЖДЕНИЕ О ФАКТЕ И ОСКОРБИТЕЛЬНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК ОБЪЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ[©]

Базовыми понятиями при проведении лингвистической экспертизы по делам о защите чести и достоинства стали термины «утверждение о факте» и «оскорбительное высказывание». Их употребление в юридической практике подразумевает, что речь ведётся о двух различных и даже взаимоисключающих наименованиях языковых явлений.

Принято считать, что под «утверждением о фактах» понимается вербальная информация о существующей среди нескольких возможностей какой-то одной, «причём говорящий <...> берёт на себя ответственность за сообщаемое, а сама информация <...> не соотносится с субъективными представлениями говорящего о действительности» [2, с. 32]. При этом термин «оскорбительное высказывание» отличается только наличием в его дефиниции показателя «отрицательной оценки», то есть семантикой негативного «субъективного мнения» [6, с. 51-52]. Однако негативный характер выраженной информации может быть свойственен и утверждению. Отсюда различие состоит исключительно в передаче говорящим речевых категорий достоверности описываемых им лиц и событий, степени проявления в сообщении субъективной модальности.

Полное отсутствие коннотативности не может быть свойственно словам по определению, так как у лексем всегда имеются устойчивые признаки, которые «воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [1, с. 159]. Следовательно, основным критерием разграничения понятий становится фактуальность, позволяющая установить истинность описываемого

события или лица. Такой подход исключает возможность квалификации языковой единицы, совмещающей в своём значении и категории утвердительности, и ярко выраженную субъективную модальность. Например, традиционно к оскорбительным наименованиям относится «книжная лексика с инвективным значением (мошенник, алкоголик, проститутка)» [7, с. 117]. Все эти слова в контексте могут совмещать в себе как утверждение о факте (мошенник – лицо, занимающееся мошенничеством), так и субъективную оценку (слово «мошенник» относится к бранной лексике и обладает ярко выраженной негативной оценочностью), что позволяет квалифицировать их в рамках сразу двух понятий.

Подобный пример был обнаружен при проведении исследования публицистического текста. Так, лингвисту-эксперту была представлена для рассмотрения статья, посвященная событиям в Зареченске (все реальные названия и имена изменены в целях соблюдения требования конфиденциальности при проведении лингвистической экспертизы), происходившим в 2012 году. Автор Михаил Баласов описывает споры, разгоревшиеся после публикации на сайте «Мысли Запада» материалов К. Бимухамбетова. Результатом бурного обсуждения явилось судебное заседание, в ходе которого было принято решение наложить на одного из участников дискуссии штраф за экстремизм. Автор статьи отмечает при этом, что за рамками данного разбирательства всё же остались проблемы «славутического движения» и «славутичей», из-за которых и произошёл спор. Более того, он указывает, что славутичей «использовали в качестве разменных пешек в большой геополитической игре».

Михаил Баласов даёт детальное описание ситуации, где обозначает и виновное в развитии конфликта лицо. Автор публикации не только называет его имя и фамилию, но и приписывает герою статьи различные дефиниции. Данную информацию читатель находит в нескольких фразах:

- «Какой-то русофоб под псевдонимом “Славутичи” противопоставил “двум тысячам людей” “миллионы быдла” <...> Оказалось, что под псевдонимом “Славутичи” скрывается директор “славутического” института Алексей Беликов».

- «Я не знаю, ведал ли Алексей Беликов, что творил 1 апреля 2012 года, но все последующие события показали всю степень упорства и изворотливости доморощенного русофоба, который в “псевдо-славутическом” пылу забыл, что русофобия для него, русского, обозначает прежде всего самоотрицание, за которым неумолимо следует самоуничтожение».

Таким образом, автор статьи представляет читателям Алексея Беликова как «русофоба» / «доморощенного русофоба», а его поведение в конкретной ситуации определяет как «русофобию».

Данное понятие обладает в современном языке прямыми значениями, о чём свидетельствует их описание в лексикографических источниках:

- «Русофобия, -и, ж. Враждебное неприятие всего русского – языка, культуры, образа жизни русских» [12].
- «Русофоб, -а, м. Человек, ненавидящий русских, всё русское» [Там же].
- «Русофобия, -и; ж. [от сл. русский и phobos – страх, боязнь]. Нелюбовь, неприязнь к русскому народу, России» [3].
- «Русофоб, -а; м. Тот, кто испытывает русофобию» [Там же].
- «Русофоб <...> приверженец русофобии; тот, кто неприязненно относится к России, ко всему русскому, к самим русским» [11].

Наличие в дефинициях таких лексем с негативной коннотацией как «враждебное», «неприятие», «ненавидящий», «нелюбовь» и «неприязнь», «неприязненно» позволяет квалифицировать исследуемые понятия в качестве речевых единиц с отрицательной семантикой. Это положение подтверждается и практикой словоупотребления лексем в языке современного человека. Так, в «Национальном корпусе русского языка» зафиксированы примеры использования понятия в отрицательном контексте, раскрывающем негативность явления русофобии или приверженности к ней [8]:

- «Именно тогда на интеллигентских кухнях стала вызревать та скрытая до поры до времени русофобия, которая в середине 80-х годов стала зрелой официальной концепцией – Россия как “тысячелетняя раба”, русские как народ-люмпен, народ-иждивенец и т.д.» (Сергей Кара-Мурза. Входим в зону ускорения (2003) // Лебедь (Бостон). 2003.12.28).

- «Их отличает русофобия, ведущая к обострению межнациональных отношений» (Г. А. Зюганов: Спасение страны – в смене власти (2003) // Советская Россия. 2003.06.15).

- «Нет, не русофобия, которая, как чума, охватила сегодня мир, которая финансируется международными банками, спецслужбами всех “передовых, цивилизованных” стран и давно приняла кровавые формы, а антисемитизм в первую голову ужасает наших “русских” римлян» (Новогодние пожелания VII съезда российских писателей // Огонёк. 1991. № 1 (3311)).

- «На языке рядовых людей русофоб наиболее точно определяется словом падла (уголовные коннотации этого термина – “тот, кто сотрудничает с системой”, также имеет известный смысл, коль скоро Запад на современном этапе во многом занял роль тюремщика для России)» (Егор Холмогоров. Русский горизонт (2003) // Спецназ России. 2003.03.15).

- «Эту идею проводит даже заклятый русофоб, Вамбери (“The National Review”, № 21) воспользовавшийся случаем, чтобы возбудить дремлющее недоверие английского общества» (А. Маслов. Россия в Средней Азии (очерк наших новейших приобретений) // Исторический вестник) и т.д.

Приведённые примеры отражают ту же отрицательную интерпретацию понятий, что и в словарях. Однако нельзя отметить полную тождественность в толковании лексем. Практика живой речи отличается более фундаментальной наполненностью семантики исследуемых слов: здесь они приобретают книжный оттенок, то есть приближаются к терминам, специализирующимся на ограничении экспрессии и стремящимся к объективности.

Отсюда у слов наблюдается ещё один компонент значения, слабо отражённый в лексикографических изданиях. Намёк на процессуальность в понимании лексем присутствует в одном из словарей, где русофоб обозначается как «приверженец русофобии», однако не раскрывается дальше. В то же самое время семантика концептуальности, идеологии ярко представлена в примерах из сферы словоупотребления, где русофобия трактуется не только как чувство неприязни ко всему русскому и России, но и определяется в качестве совокупности процессов, мер и действий по отношению к объекту нелюбви. Иными словами, русофоб – это человек, который придерживается отрицательных взглядов на всё русское и Россию, а также следует им в своих действиях.

Данную точку зрения на толкование понятий подтверждает и их трактовка в специальной литературе, где русофобы обозначаются как «враги национальной России, обещающие себе от её крушения, унижения и ослабления всяческий успех» [5, с. 56]; а русофобия интерпретируется шире, чем «ненависть, враждебность» [13] и стремление причинить вред: русофобия – «цельная идеология, то есть особый комплекс идей и концепций, имеющий свою структуру, свою систему понятий и свою историю генезиса и развития в западной культуре, а также свои типичные проявления» [9, с. 27]. Следовательно, слово русофобия находится в синонимических отношениях со словами антисемитизм, антииудаизм, фашизм и др., а также входит с ними в одно семантическое поле, ядром которого является лексема «этнонационализм» (идеология, определяющая превосходство какой-либо одной нации над другими). Всё это свидетельствует о более точном толковании исследуемых понятий в живой речи: русофобия подразумевает не только негативные чувства, но и форму нетерпимости по отношению к русским, которая выражается в разнообразных словесных и поведенческих проявлениях.

Данной семантикой изучаемые слова обладают и в статье Михаила Баласова, о чём свидетельствует наличие в тексте ряда лексических маркеров. Например, автор употребляет следующие слова и словосочетания: «сепаратистские движения», «местечковый сепаратизм», «самоотрицание», «самоуничтожение», «(порочное) увлечение сепаратизмом», «(штраф) за экстремизм». Все эти лексические единицы заключают в своей семантике такие компоненты значений как «стремление к отделению, обособлению» [4]; действия, ведущие к подобному разединению; «приверженность к крайним взглядам <...> использование крайних мер» [Там же]; радикализм, разрушение и подавление. Отсюда герой публикации обозначается как человек, испытывающий неприязнь, враждебность по отношению к русским/русскому и принимающий ряд мер по их уничтожению.

Следовательно, высказывания Михаила Баласова относительно Алексея Беликова содержат негативную информацию. Они выражены по преимуществу в форме утверждений, так как отсутствуют признаки субъективной модальности: фразы, включающие лексему «русофоб», «русофобия», представляют сообщаемое как достоверный факт, реализующийся в действительности.

Отдельного внимания заслуживает словосочетание «доморощенный русофоб», где слово «доморощенный» выступает в качестве выражения оценки героя публикации. В лексикографических изданиях оно описывается как многозначное. С учётом контекста можно определить, что в статье ему соответствуют следующие дефиниции:

- «Не обладающий достоинствами, приобретаемыми систематическим изучением чего-либо, работой, деятельностью в какой-либо области, примитивный <...> Доморощенный поэт. □ Бывало, вся губерния съезжалась у него, плясала и веселилась на славу. При оглушительном громе доморощенной музыки. И. С. Тургенев, “Малиновая вода”» [14].

- «Заурядный, примитивный» [10].

- «Дилетантский, непрофессиональный ♦ То было одно из многочисленных доморощенных произведений, в которых начитанные, но бездарные авторы отборным, но мертвенным языком, прилежно, но неуклюже приводили какую-нибудь “глубокую” или “животрепециущую” идею, представляли так называемый трагический конфликт и наводили скуку <...> И. С. Тургенев, “Вешние воды”, 1872 г.» [11].

Характерно, что почти во всех лексикографических изданиях слово имеет помету «ироничное». Отсюда в контексте статьи все действия Алексея Беликова оцениваются в комичном ключе. Автор иронизирует над героем своего публицистического произведения, но ирония эта негативна, а следовательно, негативна и авторская оценка. Иными словами, создаётся образ не просто русофоба, а русофоба примитивного, неоригинального. Такое толкование является оскорбительным, так как подразумевает семантику осуществления лицом антиобщественной деятельности, а само лицо дискриминируется за счёт недостатков личных качеств.

Подобное употребление понятий является уникальным для лингвистической экспертизы случаев, когда верность сказанного автором можно проверить на истинность, так как словосочетание «какой-то русофоб» в контексте статьи имеет фактологическую основу. Отсюда если изложенная в статье информация не соответствует действительности, то она не только является оскорбительной, но и порочит конкретное лицо, ибо относится к Алексею Беликову. Здесь мнение автора совпадает с утверждением и с оскорблением.

Таким образом, оспариваемые фразы содержат негативную информацию о конкретном лице. Данная информация выступает одновременно и как оскорбительная, и как порочащая, если она не соответствует действительности. Отсюда она совмещает в себе и различные формы выражения: утверждение и оценку.

Список литературы

1. **Апресян Ю. Д.** Коннотация как часть прагматики слова // Апресян Ю. Д. Избранные труды. М.: Восточная литература: Языки русской культуры, 1995. Т. II. Интегральное описание и системная лексикография. 766 с.
2. **Баранов А. Н.** Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2009. 592 с.
3. **Большой толковый словарь русского языка** [Электронный ресурс] / под ред. С. А. Кузнецова. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 12.08.2014).

4. **Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В.** Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний [Электронный ресурс]. М.: Азбуковник, 2003. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=232> (дата обращения: 12.08.2014).
5. **Ильин И. А.** Против России // Ильин И. А. Наши задачи: статьи 1948-1954 гг. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956. Т. I. С. 53-56.
6. **Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов** / под ред. М. В. Горбаневского. М.: Юридический Мир, 2006. 112 с.
7. **Кусов Г. В.** Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2004. 245 с.
8. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 12.08.2014).
9. **Неменский О.** Русофобия как идеология // Вопросы национализма. 2013. № 13. С. 26-65.
10. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. М.: Азбуковник, 2008. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=244> (дата обращения: 12.08.2014).
11. **Русский викисловарь** [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0 (дата обращения: 12.08.2014).
12. **Русский семантический словарь** [Электронный ресурс]: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235> (дата обращения: 12.08.2014).
13. **Савельев А. Н.** Русофобия в России: 2006-2007 гг. (аналитический доклад) [Электронный ресурс]. URL: <http://savelev.ru/article/show/?id=479&t=1> (дата обращения: 12.08.2014).
14. **Словарь русского языка** [Электронный ресурс]: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981-1984. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=240> (дата обращения: 12.07.2014).

STATEMENT OF FACT AND ABUSIVE COMMENT AS THE OBJECTS OF LINGUISTIC EXPERTISE

Bondarenko Elena Nikolaevna, Ph. D. in Philology
State Fire Academy of Emergency Ministry of Russia
naturphilosophy@yandex.ru

The article examines the problem of qualification of statement of fact and abusive comment by the example of the analysis of a journalistic text. Differentiation of these conceptions in the juridical and philological practice is not doubted, at the same time the problem of functioning of the terms within the framework of juridical expertise is still insufficiently explored. The author examines the case when communicative perversion and factual negative information which can be tested for truth are represented by a common linguistic category. A word begins to perform a function of discredit both as an abusive comment and as a negative statement of fact.

Key words and phrases: abusive comment; statement of fact; negative information; communicative perversion; linguistic expertise; journalistic text.

УДК 82/821.35.0

Филологические науки

В статье выявляются несколько моментов своеобразности процесса формирования эстетических представлений в адыгском фольклоре. Подчеркивается, что специфичность общественного развития адыгских народов обусловила виртуальный синкретизм различных стадийных форм фольклорного континуума и реально-го жизненного окружения, когда даже наиболее архаичные образы и символы эпоса осмысляются как действующие субъекты национального мира. Деструкция этой монолитной системы витально-эстетических воззрений связывается автором с кризисом и началом длительного процесса распада классического военно-аристократического общества черкесских племен и становлением современных адыгских народов.

Ключевые слова и фразы: эпос; герой; этно-эстетическая доминанта; эпическая формула; адыгские фольклорные архетипы; этносоциум; культурные меты; суицидальный тип; национальная эстетика.

Борова Асият Руслановна, к. филол. н., доцент

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
assbora@mail.ru

ЭВОЛЮЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА АДЫГСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ АРХЕТИПОВ®

Эпос «Нарты» принято называть общекавказским. Причем чаще всего это утверждение не даётся в виде прямой констатации, а окказионально выявляется в виде побочного и безусловного вывода: «...у каждого из народов Кавказа нартские сказания...» [9, с. 61]. Однако это – скорее дань традициям советской фольклористики и этнологии, научная идеология которых формировалась под влиянием концептуальных положений коммунистического мировоззрения, в ряду которых категории равноправия и интернационализма обладали